

Зеркало
полюски

НАТАЛЬЯ БОНДАРЧУК
СЕРГЕЙ
БОНДАРЧУК

Лента жизни

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б81

Дизайн серии *Андрея Фереза*

Издательство благодарит *Игоря Днестрянского*
за помощь в подготовке книги

В оформлении издания использованы фотографии
из фондов Киноконцерна «Мосфильм»,
РИА Новости и личного архива автора.

Послесловие *Вячеслава Шмырова*

Бондарчук, Наталья Сергеевна.

Б81 Сергей Бондарчук: лента жизни / Наталья Бондарчук; послесл.
В. Шмырова — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 320 с., ил. —
(Зеркало памяти)

ISBN 978-5-17-126847-3

«Молодая гвардия», «Отелло», «Попрыгунья», «Судьба человека», «Война и мир», «Они сражались за Родину», «Степь», «Борис Годунов» — названия этих художественных произведений неразрывно связаны с именем выдающегося художника Сергея Фёдоровича Бондарчука, чьё мастерство стало истинно народным достоянием.

Книга написана его дочерью, известным режиссёром, актрисой и сценаристом Натальей Бондарчук. Перед читателем проходят детские и юношеские годы её отца, время, когда произошло его творческое становление, возникла любовь к театру и кинематографу, которой он остался верен до конца жизни.

Книга повествует о небывалом взлёте и всемирном признании народного артиста СССР, кинорежиссёра Сергея Бондарчука, о любимом ВГИКе и, конечно, об учителях, друзьях и близких, кто разделял его драму жизни, — Сергее Герасимове, Инне Макаровой, Ирине Скобцовой, Василии Шукшине, Нонне Мордюковой, Никите Михалкове, Сергее Никоненко и других соратниках.

УДК 821.161.1-94

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Н.С. Бондарчук, 2020

© В.Ю. Шмыров, послесловие, 2020

© Киноконцерн «Мосфильм», кадры
из фильмов, 2020

© РИА Новости, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-126847-3

Детство. Белозёрка

Кто ребёнком не вслушивался в пение птиц, не впитывал аромат полей и лесов, не переживал утреннего пробуждения природы, тому потом трудно поведать о мире чувств, жизни сердца и ума.

Сергей Бондарчук

Мой отец родился 25 сентября 1920 года в селе Белозёрка Херсонской области на Украине в семье Бондарчуков — Фёдора Петровича и Татьяны Александровны.

Моего дедушки в это время в доме не было. Он нёс службу в Красной Армии и прислал письмо своей любимой жене. Но пока письмо шло, то в пору было поздравить любимых с Новым годом. К счастью, письмо сохранилось.

С Новым годом, с новым счастьем, с новым здоровьем. Милый мой ангел, с ангелочком. Спешу вас уведомить, что я, слава Богу, жив-здоров, чего и вам желаю от Господа Бога. Скорей спешу уведомить тебя о том, что творится сейчас со мной. Ведь я получил письмо! Главное — это то, что я знаю, как зовут моего Сына!!! О, Боже. Серёжа, Сергей Фёдорович!

Мне очень, очень нравится это имя. Кто его придумал? О, Танюшечка, милая моя детка, ангел мой, молись за меня. Я молюсь за тебя. В казарме тишина. Все спят. Второй этаж. Окна прямо на собор Иоанна Кронштадтского. И всё же я слышу

звук колокола, точь-в-точь как в нашем монастыре. Танюшечка, пиши почаще и подольше. Остаюсь любящий вас муж и отец. Целую крепко.

Фёдор Бондарчук.

Моя бабушка, Татьяна Александровна, не придумывала имя. Ведь сын у неё родился 25 сентября — а это День памяти Сергия Радонежского, Игумена земли Русской, Всея России Чудотворца. В этот день он почил. В семье была его икона. Верующая Татьяна не стала сообщать отцу, что Серёжу покрестили в том самом Благовещенском монастыре, о котором упоминает в своём письме двадцатитрёхлетний Фёдор Петрович Бондарчук. Позже монастырь был разрушен. Но отец всегда помнил, что родился он в День памяти великого святого Сергия Радонежского.

Благовещенский женский монастырь находился в двенадцати километрах от Херсона, на полуострове, между озёрами Белое и Безмен. Место было красивым и тихим, с цветущими кустами сирени и яблоневым садом. На территории монастыря было двадцать шесть зданий, размещалась церковь во имя Святой Троицы. В 1912 году был возведён Свято-Троицкий собор. Он был увенчан семнадцатью позолочёнными куполами. Росписи в храме копировали фрески храма Христа Спасителя в Москве, Владимирского собора в Киеве и церкви Киево-Печерской Лавры. Их выполняли живописцы, приглашённые из Москвы. Ещё перед началом строительства Свято-Троицкого собора одна из монахинь, матушка Федора, говорила: «Строят собор, а выстроят детский дом»... Наступили смутные времена. Сёстры монастыря создали артель, наивно полагая, что с советской властью можно ужиться. Осенью 1920 года мона-

стырский приют перешёл в ведение Унаробраза¹, и вместо него был устроен детский городок им. Петровского, но на службе в нём по-прежнему оставались члены общины, отказавшиеся от вознаграждения за свой труд. В том же году монастырское хозяйство со всеми угодьями, пахотными землями, огородами, фруктовым садом, виноградником было национализировано и объявлено культсовхозом² «Пролетарская жизнь». Но обслуживание и управление им по-прежнему оставалось в руках сестёр. Именно поэтому в монастырских стенах продолжали крестить детей. Верующая Татьяна Александровна и баба Мотя успели покрестить младенца. В Белозёрке издавна в мире и согласии проживали сербы, болгары, турки, цыгане, венгры, русские и украинцы. Более двадцати национальностей. Папа мой любил говорить: «Дед мой — болгарин, бабушка — сербка, по паспорту я — украинец, а в душе я — русский».

В хате Бондарчуков висел портрет Тараса Шевченко и портрет дедушки Сергея по отцу, болгарина по происхождению, Петра Константиновича Бондарчука и его жены — сербиянки Матрёны. Или, как нежно её называли в семье, — бабы Моти. У них было три сына: старший — Александр, средний — Михаил, младший — Фёдор и дочь Евгения. Семья была дружная. Про Бондарчуков говорили, что они — люди гордые, но справедливые, готовые всегда прийти на помощь. Не от моего прадеда Петра Константиновича, не от казачьих ли вольных общин, непокорных и могучих, складывался характер Фёдора Петровича, а затем — и моего отца... Ведь именно о казаках складывались легенды как об особой

¹ Уездный отдел народного образования.

² Культурные советские хозяйства — так сразу после революции назывались совхозы.

породе людей — гордых, решительных, вольных, всегда готовых как к обороне, так и к нападению. Во все времена казаки умели совмещать в себе и землепашцев, и воинов, и верных отцов.

Бабушка — сербиянка, женщина прекрасная, смуглая, темноглазая и темнокосяя. Во внуке души не чаяла, и все близкие говорили: «Да он лицом — весь в тебя».

Сказки и легенда

Белого озера

Наверное, каждому из нас в раннем детстве бабушка рассказывала сказки... Вот лежу я на печке, да ещё с головой укрытый тулупом. Вечер. И на дворе, и на печи темно. В этой таинственной тишине слышу шёпот бабы Моти: «В некотором царстве, в некотором государстве...»

Сергей Бондарчук

Название озера — Белое — уходит в седую старину. Во времена Крымского ханства его называли Ак-Гюль (Белое озеро). С незапамятных времён существует легенда о скифском Золотом коне, который находится в Белом озере. Взору Серёжи от младенчества открылось удивительное Белое озеро. Пойма Днепра, ковыльные степи. Фёдор Петрович очень любил землю, обхаживал её, разбивал виноградники, любил скакать на лошади по степи... Обличьем был — натуральный Гришка Мелехов из «Тихого Дона» Шолохова. А ещё ближе по характеру — отец Гришки, Мелехов-старший, обидчивый, вспыльчивый, весёлый, лицом худощавый, с горбинкой на носу. Ещё в юности Фёдор Петрович пристрастился к технике — локомотивам, они в ту пору работали на соломе, косилкам и молотилкам, умел делать мелкий ремонт и слыл мастеровым человеком. Татьяна Васильевна, мать Сергея — женщина крепкая, волевая и мудрая.

В девичестве Токаренко, Татьяна была двенадцатым ребёнком в семье. Проживала семья в Херсоне. Отец Татьяны Васильевны был отличным столяром. У него была мастерская по изготовлению мебели, куда он привлекал рабочих. Людей он находил сам, учил их своему мастерству. Мебель изготавливалась под лаком: буфеты, столы... Да не просто столы, а с гнутыми ножками, с инкрустацией из разных древесных пород. Мебель увозилась на ярмарку в Каховку, там успешно продавалась. Младшая дочь Татьяна училась на «отлично» и закончила четыре класса церковно-приходской школы. Она могла бы учиться и дальше, но денег на её дальнейшее образование у родителей не было. Татьяна рано пристрастилась к чтению. Фёдор Петрович появился в её жизни, когда она поссорилась со своим женихом. У старших её сестёр и братьев уже были дети. И когда они видели, как влюблённый в Татьяну Фёдор несёт ей охапку цветов, детишки кричали: «Цыган твой идёт во-от с таким букетом!» Мой дедушка действительно был похож на цыгана: черноокий, чернобровый, с тёмным бронзовым загаром. Сыграли они свадьбу и очень любили друг друга.

По воскресеньям молодые Фёдор Петрович и Татьяна Васильевна приезжали в гостеприимный родительский дом Татьяны. Там их угощали знатным борщом с бараньей головкой. В один из таких дней отец Татьяны скоропостижно скончался. Спросил: «Который час?» Ему ответили: «Двенадцать часов». Он перешагнул порог дома, упал и отошёл к Господу.

Советская власть

Задача истории и искусства, как я понимаю, — найти и показать истину событий, правду, как мы сегодня говорим.

Сергей Бондарчук

В канун 1917 года в стране ощущалось нарастающее беспокойство и ожидание чего-то неизбежного. Кровавое противостояние масс народа стало началом революции, отречения от престола царствующего императора Николая II, прихода к власти Временного правительства. По причине удалённости Херсона от крупных «революционных» городов события бурного 1917 года прошли здесь без ярких и кровавых инцидентов. В ночь с шестого на седьмое марта городская полиция, стражники и жандармы сложили свои полномочия и сдали оружие. Охрану спокойствия и порядка взяли на себя войска местного гарнизона. Из упразднённых тюрем вышли на свободу преступники. По Херсону прокатилась волна грабежей и краж. Стали расти цены на продукты. Местное искусство в виде театров и биоскопов¹ внесло свою лепту в революционный хаос. Сообразно времени демонстрировались фильмы и спектакли с названиями: «Страна ужасов», «Провокатор», «Ужасы бесправия», «Вова-революционер»... В связи с назначенными на тридцатое июля 1917 года выборами в городское самоуправление началась предвыборная кампания. Голосовали по одиннадца-

¹ Аппарат для съёмки и проекции фильмов, сильно упрощённый предшественник аппарата братьев Люмьер.

ти спискам. Плакатов и обращений было непривычное множество: «Граждане! Голосуйте за учительский список № 6! Образование народа — прежде всего!», «Граждане евреи! Помните, что вам надо голосовать только за список № 2», «Громадяни! Кто стоить за те, щоб Україна була вільною, хто за національно-територіальну автономію України, голосуйте за український список № 11!» Различные партии вели горячие дискуссии о народном счастье, а жизнь в городе продолжала ухудшаться.

Произошедшая в Петрограде в октябре 1917 года социалистическая революция жизнь в Херсоне не изменила. Потом Центральная Рада в Киеве провозгласила Украинскую Народную Республику. Херсонская губерния была признана неделимой частью Украинской Республики. В период с марта 1917 года по апрель 1920 года власть в Херсоне неоднократно менялась. Только 4 февраля 1920 года в нём окончательно была установлена Советская власть.

Все три брата Бондарчуки — Александр, Михаил и Фёдор — до 1917 года служили в царской армии. Для людей, воспитанных в понятиях русского воинства, было невозможно переменить мировоззрение в такой степени, чтобы сознательно бороться за прямо противоположные идеалы, откровенно отрицающие не только престол, но и веру, и отечество. Но люди были насильно мобилизованы большевиками под угрозой репрессий в отношении семей, которые могли остаться без средств к существованию. Но каким бы ни было отношение большевиков к царской армии, они ни шагу не могли ступить без бывших офицеров. Повсеместно появлялись агитки: «В этот критический момент нашей народной жизни мы, ваши старшие боевые товарищи, обращаемся к вашим чувствам любви и преданности Родине и взываем к Вам с настоятельной просьбой забыть все обиды

и добровольно идти с полным самоотвержением и охотой в Красную Армию». Ставший впоследствии любимым писателем Сергея Фёдоровича Бондарчука Михаил Шолохов блистательно отразил мир, расколотый надвое, в своём романе «Тихий Дон»... Действие романа охватывает события с 1912 по 1922 год. Смысл жизни Григория Мелехова, главного героя романа, — в трагических поисках правды жизни, разрешении противоречий, выборе между миром и войной, милосердием и жестокостью, любовью и ненавистью. Брат главного героя — Григория Мелехова — говорит: «Ты гляди, как народ разделили, гады! Будто с плугом проехали: один — в одну сторону, другой — в другую, как под лемехом. Чёртова жизнь и время страшное!» Это страшное время встало перед каждым из трёх братьев Бондарчуков. Старшие — Александр и Михаил — перешли в Красную Армию, подав соответствующий рапорт. Младший брат Фёдор сопротивлялся... Он другую правду искал, душой болел. И решил наложить на себя руки. Но братья помешали этому, написав прошение за Фёдора, которого сразу же откомандировали в Петроград.

После продразвёрстки 1920 года крестьяне уже осенью были вынуждены есть семенное зерно. География регионов, охваченных голодом, была очень широка. Среди них — и юг Украины. Гражданская война нанесла большой урон Херсону и окрестным сёлам. Из города вывезли все ценности. Многие предприятия были разрушены. Рабочие уходили из города в сёла и занимались кустарным промыслом. Положение осложнилось засухой 1921 года: погибли почти все посевы. Власти к 1921 году стали забирать даже то зерно, которое крестьяне откладывали для собственного пропитания. Под предлогом борьбы с голодом президиумом ВЦИК 2 января 1922 года было принято постановле-

ние «О ликвидации церковного имущества» для его реализации в пользу голодающих. Голод стал поводом для советской власти нанести сокрушительный удар по церкви. Сбылось предсказание матушки Феодоры. 27 марта 1922 года был подписан документ о выселении монашек Благовещенского монастыря для открытия детского городка, для помощи голодающим детям. Было послано триста вооружённых красноармейцев. Обыскивали и откровенно грабили монастырь, съедали даже посевной материал, отбирали бельё, одеяла. Была уничтожена библиотека монастыря. Монашек выгнали за ограду. При обыске их оскорбляли, издевались, были покушения на изнасилование. Красноармейцы вытаскивали их за руки, волоча по земле, били прикладами. Крик, плач, брань, стон слились в единый вопль. По ночам верующая Татьяна Васильевна и баба Мотя, стоя на коленях, вымаливали прощение за содеянное красноармейцами варварство...

Повсюду орудовали вооружённые банды: они грабили население, вырезали целые семьи, убивали коммунистов. Но самым страшным был голод. Положение населения было ужасным. Скот, собаки, кошки съедены. Умерших хоронить некому. Есть было совершенно нечего, и как только заканчивалась лебеда, трава, жёлуди, кора деревьев и даже земля и глина, обезумевшие от голода люди ели трупы умерших и даже убивали своих близких, чтобы прокормить остальных. 30 января 1922 года Политбюро ЦК РКП (б) запретил публиковать сообщение о массовом людоедстве и трупоедстве в голодающих районах страны. Измождённые старики Пётр Константинович и баба Мотя уже перестали бороться за свою жизнь. Незаметно подкармливая внука Сергея, они напоминали лишь тени прежних людей, с трудом передвигаясь на опухших ногах. Умерли они

один за другим, не желая расстаться даже на небесах. На похороны приехали брат Фёдора — Михаил Бондарчук и жена его Матрёна. Увидев, в каком бедственном положении находятся Фёдор и Татьяна с маленьким Серёжей, предложили перебраться в расположенный в четырёхстах километрах от Херсона город Переяслав, где они проживали. Это тот самый древний город, где Богдан Хмельницкий в 1654 году созвал большой совет казаков и принёс присягу на верность русскому царю Алексею Михайловичу. Но конечно, мотивом переезда было не историческое значение города, а то, что в Переяславе выдавались продпайки в производственных артелях. С большим трудом семья Бондарчуков с маленьким Серёжей добралась до Переяслава. К истощённым организмам легко пристаёт всякая зараза, сыпной тиф даже называют «голодным». Первая заболела Татьяна, и её пришлось отправить в местную больницу. Фёдору удалось устроиться разнорабочим. Первый свой паёк он разделил между маленьким Серёжей и хворающей Татьяной. Для этого ему пришлось всеми правдами и неправдами пробраться в больницу к любимой жене. Время шло к зиме, но помещение больницы не отапливалось, было холодно. Татьяна лежала в своём платье, как и другие пациенты. В окнах — доски вместо стёкол, не хватало даже кипятка. Фёдор едва узнал жену: исхудавшая, с тёмными кругами под глазами, с провалами бледных щёк. Татьяна узнала мужа, даже улыбнулась. Он покормил её из рук. Питание больных было более чем скудное — четверть фунта хлеба. Но всё-таки оно было! Среди выздоравливающих лежали тяжелобольные и неубранные мёртвые тела. «Нет средств, нет топлива, ничего нет», — сетовала сестричка, самоотверженно ухаживающая за больными. Фёдор передал ей кусочек хозяйственного мыла, она через силу улыбну-